

Цзи Цинбая почти полусилой подтащили к человеку. Он моргнул, не понимая, что происходит.

Не успел он опомниться, как вдруг почувствовал резкую боль в мочке уха. Тань Чжан, неизвестно когда успевший взять в руку тот самый волчий клык-серёжку, грубо проколол ему ухо, и теперь украшение ярко поблёскивало на левом ухе.

Метод был слишком жестоким. Цзи Цинбай с запозданием вздохнул от боли, но Тань Чжан не собирался его отпускать.

Цзи Цинбай чувствовал, как император дёргает за серёжку-клык, от боли вынужденно склонив голову. Вслед за этим мочка уха потеплела, а лицо другого оказалось совсем рядом.

Тань Чжан опустил взгляд, алый лотос у уголка его глаза пылал. Он высунул язык и тщательно, детально облизал только что проступившую на проколоте мочке уха Цзи Цинбая капельку крови.

Цзи Цинбай...

Тань Чжан прикрыл губы, словно пробуя на вкус его кровь, затем внезапно усмехнулся и тихо произнёс:

— Что ж, эти серёжки ты поносишь вместо своей госпожи.

Как и следовало ожидать, к полуночи мочка уха Цзи Цинбая распухла. За пещерой бушевала метель, и, судя по всему, Цзэн Дэ временно не сможет их найти.

Внутри пещеры, хотя костёр и не гас, остановить пронизывающий холодный ветер было невозможно. Тань Чжан, кутаясь в лисью шубу, был бледен до синевы. Цзи Цинбаю, конечно, тоже было холодно. Холодно до того, что сознание начало мутиться, и смелость его возросла.

Император сидел неподвижно, чувствуя, как к его талии медленно обвивается пара рук. Этот сомнительный стражник, подобно кошке, свернулся клубком у него на груди.

У Тань Чжана на самом деле была небольшая температура: сам он мёрз, но тело его было тёплым. Цзи Цинбай обнял его покрепче, даже расстегнул лисью шубу, чтобы укутать их обоих вместе.

Этот бесшабашный стражник ещё и положил подбородок ему на плечо — стоило лишь слегка повернуть голову, и можно было увидеть его распухшую мочку уха и болтающийся на ней волчий клык.

Цзи Цинбаю наконец-то стало немного теплее. Он с облегчением вздохнул, его дыхание рассеивалось на нефритовой шее Тань Чжана. Император повернул лицо и спокойно посмотрел на него, затем внезапно спросил:

— Где ты раньше нёс службу?

Цзи Цинбай как раз собирался вздремнуть, всё его тело застыло. Нельзя было винить его в том, что он прикинулся стражником. Ещё на небесах он был по натуре подчинённым, обращался «Ваше Высочество», был почтителен, соблюдал правила и был послушен. Даже сейчас, когда Тань Чжан спустился в Нижний мир и стал смертным, у Цзи Цинбая и в мыслях не было вести себя перед ним высокомерно. При нём он невольно принижался и соблюдал свой долг.

Поэтому, после долгого мямления, он назвал какую-то внештатную должность, надеясь отделаться.

Тань Чжан, неизвестно почему, вдруг проявил интерес к разговору:

— На этот раз ты спас императора и заслужил награду. По возвращении переходи нести службу при мне.

Цзи Цинбай почувствовал, что ему действительно очень непросто, и серьёзно сказал:

— Защита Вашего Величества — долг вашего покорного слуги. Ваш слуга не смеет просить иного. Просто я привык к вольной жизни, как дикие облака и одинокие журавли, и не подхожу для дворцовых интриг.

Вернувшись, ему снова понадобится полгода-год, чтобы восстановить магическую силу. Тело Цзи Юй слишком слабое, удастся ли его вылечить — ещё вопрос. Но и говорить наотрез тоже нельзя. Будда-Владыка, спасая живых существ от страданий, неизбежно сталкивается с трудностями и опасностями. Если же он не превратится в мужское тело, то и вовсе ничем не сможет помочь. В будущем обязательно понадобится подходящая личность, чтобы в критический момент спасти императора.

Цзи Цинбай подумал и, воздействуя на чувства и приводя доводы, сказал:

— Пусть Ваше Величество посчитает эту ночь мимолётной связью. Ваш слуга не принадлежит к этому миру, у меня есть свои невыразимые трудности. Но если с Вами что-то случится, ваш слуга непременно, не страшась опасностей, защитит Ваше Величество.

Тань Чжан ничего не сказал. Спустя долгое время он, словно услышав какую-то шутку, фыркнул:

— Такую чушь, как «мимолётная связь», ты тоже смог выговорить. Неужто, любящий министр, ты божество?

Цзи Цинбай моргнул, изобразил загадочное выражение лица, но, глядя на лицо Тань Чжана, не смог сохранить осанку Верховного бога, кашлянул и притворно сказал:

— Однажды Ваше Величество всё поймёт.

Тань Чжан не стал его утруждать, закрыл глаза и замолчал. Цзи Цинбай долго смотрел на него и, неизвестно откуда взяв уверенность, что Будда-Владыка, несомненно, поверил ему, в конце концов даже сладко и безмятежно погрузился в сон, намереваясь с помощью магической печати в сознании Тань Чжана как следует компенсировать сегодняшние тяготы.

Видимо, даже сам император не ожидал, почему сон его будет настолько крепким. На следующий день Тань Чжан проснулся один в пещере, на нём всё ещё лежала тёплая лисья шуба. Он чувствовал себя необычайно свежим и бодрым, а в животе было тепло и комфортно.

Цзэн Дэ, со слезами и соплями, стоял на коленях у входа в пещеру, дожидаясь императора. Лишь после долгого времени он наконец увидел пару императорских сапог, вставших перед ним на ещё не совсем растаявший снег.

Тань Чжан, закутанный в плащ, холодно смотрел на него сверху вниз и спросил:

— А где Цзи Юй?

Цзэн Дэ был озадачен, но честно ответил:

— Госпожа ранее сказала, что вышла погулять, возможно, заблудилась. Вчера ночью, как передавали служанки, она вернулась в лагерный шатёр. Сейчас, должно быть, ещё спит.

То, что за ней не уследили, — действительно упущение Цзэн Дэ. Но откуда ему было знать, что Цзи Юй сменила облик? К тому же, после исчезновения императора приближённые в панике разбежались его искать — кому было дело до неназванной госпожи?

Неизвестно, какая фраза вновь разозлила стоящего выше. Тань Чжан усмехнулся, его тон был неясен, не понять, гнев это или радость:

— А он ещё и спит себе.

Цзэн Дэ не посмел поддержать разговор, дрожа привёл императорского коня. Тань Чжан, не говоря ни слова, вскочил в седло, резко хлестнул кнутом и, не обращая внимания на остальных, первым помчался прочь.

Цзи Цинбай, восстановив к полуночи немного божественной силы, проснулся и наложил вокруг пещеры защитное заклятие от диких зверей. Если Тань Чжан спал с ним, то спал всегда исключительно крепко — в конце концов, с Богом снов рядом уснуть не проблема.

Когда он вернулся в лагерный шатёр, уже почти рассвело. Служанка из-за его исчезновения не спала всю ночь и, увидев его, подумала, что встретила призрака.

Госпожа вышла на прогулку — внешняя юбка пропала, лисья накидка-плащ пропала, осталась только нижняя одежда. Как тут не возникнуть недоразумению?

Цзи Цинбаю было некогда подробно объяснять. Он снова превратился в Цзи Юй, девочку-подростка с пышной грудью, и велел служанке принести иголку с ниткой.

— Зачем вам иголка с ниткой? — служанка колебалась, не позвать ли главного евнуха и заодно не пригласить ли лекаря Лу.

Цзи Цинбай вздохнул:

— Не спрашивай, сначала принеси. И ещё приготовь горячей воды, я умоюсь.

Служанке ничего не оставалось, как выйти и приготовить воду.

Цзи Цинбай взял бронзовое зеркало, ущипнул длинную иглу и долго примеривался к своей правой мочке уха. Стиснув зубы, закрыв глаза и собравшись с духом, он проткнул её.

Не то чтобы он не мог магией устранить прокол. Просто эту дырку в ухе ему проделал собственноручно Тань Чжан.

Даже превратившись в смертного, божественная основа Будды-Владыки оставалась бессмертной и неразрушимой. К тому же, после десятков тысяч лет слияния душ с Цзи Цинбаем в Обители Будды, если этот человек желал оставить на Цзи Цинбае что-либо, то этому скромному богу-пожирателю снов хоть умри, не стереть дочиста.

Оба уха были проколоты. Хоть это и выглядело крайне подозрительно, у Цзи Цинбая не было

другого способа скрыть это от посторонних глаз. В крайнем случае, он не боялся, что император в конце концов что-то обнаружит — лишь бы не заподозрил его в супружеской неверности.

Служанка внесла таз с водой и, увидев сочащуюся из его уха кровь, чуть не вскрикнула от испуга, поспешно достала лечебную мазь и намазала её.

— Чего вы так спешите? — ворчала служанка. — Вернёмся, пусть мамка вам сделает. У старых людей рука набита, куда лучше, чем так мучиться!

Цзи Цинбай как раз и надеялся, что она неправильно поймёт. Боль в таком случае была мелочью:

— Я просто хочу порадовать Его Величество.

Однако возвращающийся император был не очень-то рад.

Тань Чжан не был трёхлетним ребёнком. Сердце императора тяжело и подозрительно. В том сомнительном страже прошлой ночи было слишком много неувязок. Он наблюдал, как тот играл роль всю ночь, и находил это смешным — смешным и в то же время чрезвычайно невероятным.

Уже больше полугода он спал, обняв Цзи Юй. Тот был необычайно мягким, худеньким и маленьким, но с бездонной смелостью. Разговаривая с ним на подушке, болтал о будничном, не соблюдая рангов, и в движениях рук тоже не церемонился: как гладил по голове, как прикладывал руку к груди, как похлопывал по спине — всё Цзи Юй обычно делал привычно и ловко, словно совсем не боясь разгневать императора.

Хоть внешне они ничем не походили, но в действиях были абсолютно одинаковы.

Сомнительный стражник не был таким мягким, но талия у него была такая же тонкая, как у Цзи Юй. Хотя и не видел по-настоящему ясно, но грудь у Цзи Юй была довольно пышной. Тань Чжан не придавал большого значения плотским утехам, даже когда нежная яшма и тёплый аромат прижимались к его голове, в нём не возникало никаких скверных мыслей. Вчера ночью, в той же позе, грудь стража была плоской и ровной, но, казалось, больше подходила. В объятиях того человека Тань Чжан, казалось, уловил аромат сосны и кипариса, невольно раскрыл ладони и измерил талию другого.

Действительно тонкая, — подумал император.

<http://bllate.org/book/15582/1387567>